

Глава 17 – Уму Непостижимо!

Это было странное чувство.

Однако Юнь Чжунхэ отчасти понимал, почему пациент Восемь пытался заглушить свои чувства.

Мир человека состоит из его зрения, слуха, обоняния, осязания и так далее.

Но пациент Восемь, он же Бетховен, считал, что отвлечение внешним миром мешало его связи с собственным духовным миром. Чтобы исправить это, он сначала ослепил себя, а затем оглушил.

Теперь Юнь Чжунхэ знал, как этот человек ощущал внешний мир. Он использовал... шишковидную железу. Seriously.

«Черт возьми, ты и правда сумасшедший» - подумал Юнь Чжунхэ.

Пациент Девятнадцать, Да Винчи, препарировал шишковидную железу и набросал детали ее строения. Он пришел к выводу, что шишковидная железа человека станет более функциональной, как только другие органы чувств будут ослаблены. Таким образом, можно было улучшить свои умственные способности и даже получать внеземные сигналы.

Естественно, никто не воспринял его слова всерьез. Он был чокнутым!

Кроме того, он сказал, что нужно сначала ослепить и оглушить себя, чтобы высвободить силу шишковидной железы. Кому это могло понадобиться?

Нормальному человеку нет, а вот сумасшедшему – вполне.

Бетховен сделал это, и, чёрт возьми, его музыкальные навыки значительно улучшились.

Он уже был великим музыкантом, но стал дьяволом музыки, Мрачным Жнецом музыки. Его музыка могла убивать людей.

Кроме того, он утверждал, что получал внеземные сигналы.

Все думали, что он просто морочит им голову, но, как ни странно, Юнь Чжунхэ теперь чувствовал, как его шишковидная железа нагревается. Ощущение было очень расплывчатым, и он ничего не мог уловить с помощью органа.

Он отбросил эти отвлекающие мысли в сторону.

- Цели этих психов были слишком далеко идущими. Обычные люди вроде меня желают приземленные вещи, например, денег, власти и красивых женщин, - прошептал себе под нос Юнь Чжунхэ, - Так какую же песню мне выбрать?

Было очень мало песен, которые могли бы произвести впечатление на людей всего двумя тактами.

Впрочем, для Бетховена это не было проблемой. Он был похож на всеобъемлющую музыкальную библиотеку, и он мог сыграть почти все музыкальные произведения в мире.

Он знал немало песен, которые завораживали публику и заставляли волосы людей вставать дыбом.

Например, "Ambush from All Sides" и "Moonlight over the Spring River".

Особенно "Moonlight over the Spring River". Первые два такта были эфемистичны и трогательны.

В противном случае её бы не исполняли во время церемонии открытия Олимпийских игр.

С другой стороны, "Ambush from All Sides" была ошеломляющей от начала и до конца.

Были также известные музыкальные произведения, которые передавались с древних времен, такие как "Guangling Verse" и "High Mountains and Flowing Water", но Юнь Чжунхэ думал, что они были слишком ангельскими, но недостаточно потрясающими.

Поэтому либо "Ambush from All Sides", либо "Moonlight over the Spring River".

Но Юнь Чжунхэ не выбрал ни то, ни другое.

Он решил сыграть пьесу, которая была довольно неуместна. "Полет Шмеля" был известен как одно из самых безумных музыкальных произведений в мире!

Эта пьеса была очень популярна, и ее написал русский композитор Николай Римский-Корсаков. Её использовали в Пушкинской опере "Сказка о Царе Салтане".

Но широко известной её сделал Максим, хорватский музыкальный вундеркинд.

Её также использовали в качестве последней пьесы фортепианной битвы в фильме «Легенда

1900 года» (Последней пьесой фортепианной битвы в "Легенде 1900 года" на самом деле было "Enduring Movement", но да ладно).

Ритм этой пьесы был быстрым. Это требовало скорости пальцев.

В фильме "Легенда 1900 года", после того как главный герой закончил исполнять эту пьесу, зрители были поражены. Ритм был настолько быстрым, струны рояля накалились, и он даже прикурил от них сигарету.

Гуцинские пьесы обладали медленным ритмом и описывали красоту гор и рек.

Гуцинь не подходил для "Полета Шмеля".

Дело было не в том, что сама песня была плохой, а в том, что она была классической, дикой и очень крутой.

Но инструмент был непригоден для песни, и переделать такую песню, чтобы она подходила для гуциня, было бы чертовски трудно. Несмотря на то, что у гуциня перед Юнь Чжунхэ было семь струн, и он был оснащен художественной струной и боевой струной, изменить песню все равно было бы очень трудно.

Но кем был пациент Восемь?

Он был музыкальным гением, величайшим музыкантом своего времени, мрачным жнецом музыки.

Для него было проще простого исполнить "Полет Шмеля" на гуцине. Он уже оттачивал эту пьесу дюжину лет назад, и в процессе довел до совершенства гуцинскую версию песни.

Он глубоко вздохнул и приготовился к выступлению.

Сюй Аньтин предвкушал музыку Юнь Чжунхэ.

На лице сестры Сюй Аньтин появилось страдальческое выражение. Вид гуциня всегда напоминал ей ее изуродованное лицо.

Затем она закрыла глаза.

Она бы справедливо оценила мастерство Юнь Чжунхэ, но многого не ожидала.

Она видела слишком много посредственных игроков в гуцинь, таких как Юнь Чжунхэ. Они не

ценили искусство; и играли в гуцинь, только чтобы подцепить женщин.

Такое исполнение было поверхностным и паршивым.

Он утверждал, что два такта всего с 14 нотами будут настолько хороши, что у нее мурашки пойдут по коже? Как такое вообще возможно? Он просто грезил наяву.

Затем Юнь Чжунхэ начал играть.

Из гуциня хлынул безумный “Полет Шмеля”.

Так быстро.

Так буйно.

Так бодряще.

Если бы её играл другой, она была бы сбивчивой.

Но это был Бетховен. Его музыка могла заставить людей совершать безумные поступки.

Силу его музыки не выразить словами.

Другое дело, приятно ли было слушать эту пьесу.

Но сила и мощь музыки не имели себе равных.

Музыкальные ноты были похожи на пули, вылетающие из гуциня. Пьеса, которая первоначально была написана для фортепиано, была более четкой, более пронзительной на гуцине.

Все в комнате остолбенели.

Исполнение Юнь Чжунхэ было слишком странным, и казалось, что музыкальные ноты проникали в их мозг и сердце напрямую, а не проходили через уши.

По их телам пробежал озноб.

От музыки у них волосы встали дыбом.

Музыка не была приятной для ушей, но она была захватывающей.

Если бы ее исполнил другой человек, даже если бы этот человек был великим музыкантом, эффект не был бы таким взрывным.

Пациент Восемь полностью включил свои непостижимые навыки в исполнение.

Это было похоже на атаку магической силой.

Однако Юнь Чжунхэ, одержимый пациентом Восемь, продолжал играть всё быстрее и быстрее, как будто сошел с ума.

Люди слушали его музыку, их сердца колотились все быстрее и быстрее, и они уже не могли дышать. Их сердца бились так быстро, что они чувствовали боль в груди.

Юнь Чжунхэ играл все быстрее и быстрее.

- Ах, я больше не могу этого выносить! - один из охранников зажал уши, но обнаружил, что не может помешать музыкальным нотам проникнуть в его тело.

Он не мог подавить желание разбить лоб о стену.

Юнь Чжунхэ играл все быстрее и быстрее.

Внезапно музыка прекратилась.

Бум!

Раздался звук взрыва.

Струна на гуцине не выдержала такой силы и порвалась.

Безумное представление Юнь Чжунхэ закончилось.

В комнате повисла тяжелая тишина.

Юнь Чжунхэ тяжело дышал, дух Бетховена покинул его тело.

Он чувствовал себя опустошенным, ведь вызвал уже трёх духов чокнутых. Каждый из них

находился в его теле более получаса, и они израсходовали всю его энергию и жизненные силы.

В тот момент у него даже не было сил думать, не говоря уже о том, чтобы вызвать дух другого пациента.

Он открыл глаза.

- Так что вы думаете?

- Это было очень плохо, так плохо, что я хочу разбить свою голову о стену, - сказал Сюй Аньтин, - Но... я думаю, что вы вышли за пределы человеческих возможностей. Я никогда не видел и не слышал ничего подобного.

Затем Юнь Чжунхэ спросил Сюй Аньтина:

- Сестра, что думаете? Я сдал экзамен?

Сюй Аньтин пребывала в оцепенении, погруженная в собственные мысли.

Через некоторое время она посмотрела на Юнь Чжунхэ так, словно они впервые встретились.

- Я никогда не видела такого стиля. Это переворот в восприятии музыки, и я считаю его совершенно неприемлемым. Но если мы говорим о навыках гуциня, то вы намного лучше меня, настолько лучше, что ваша музыка за пределами моего понимания. Любой, кто мог бы сыграть эту пьесу, должен быть вундеркиндом, и точно сумасшедшим.

- Итак, сколько вы мне поставите по шкале до ста?

- Я не имею права судить вас, так как вы не из моей лиги. Но если мне нужно дать вам оценку, я думаю, что это двести пятьдесят.

«Что? Как?»

- Откуда взялось это дерьмо в вашем досье? - спросил Сюй Аньтин, - В Ордене Черного Дракона есть люди из самых разных слоев общества, включая великих мастеров гуциня. Ваши навыки гуциня внушают благоговейный трепет. Почему они указали, что ваша музыка плоская?

- Сестра, мастерство Юнь Чжунхэ настолько поразительно?

- Он гений, один на миллион.

«Даже если Юнь Чжунхэ легко исполнил это безумное музыкальное произведение, павильон Тянью не примет такую музыку» - размышлял Сюй Аньтин, - «Но если он может играть что-то вроде этого, он сыграет и нормальные пьесы. Всё, что он сыграет, превзойдет представление самой популярной куртизанки в павильоне Тянью, что привлечёт внимание Леди Маск»

- Итак, когда я смогу отправиться в павильон Тянью, чтобы соблазнить Леди Маск... Нет, я имею в виду, когда я смогу отправиться на миссию? Чем раньше я войду в резиденцию кастеляна, тем раньше смогу выполнить задание.

- Завтра, пожалуйста, подготовьте нормальную и приятную музыкальную пьесу.

- Нет проблем!

Уже на следующий день Юнь Чжунхэ отправился в павильон Тянью, на собеседование.

Сейчас он выглядел совсем по-другому. Он был одет как джентльмен.

Сюй Аньтин была очень тихой, и на ней была вуаль.

Проехав несколько километров, карета замедлила ход.

- Мы почти у павильона Тянью, вы уже решили, какую пьесу будете играть?

- Да.

Юнь Чжунхэ был готов. Как только он исполнит "Wild Geese Descending on the Sandbank", публика не сможет выбросить его музыку из головы минимум три месяца.

Через десять дней он станет величайшим игроком в гуцинь.

Через две недели его будет знать весь город Торн-Гаст.

К тому времени Леди Маск, которая всем сердцем и душой любила музыку гуциня, обязательно придет.

И когда она увидит красивого Юнь Чжунхэ, который обладал потрясающими навыками игры в гуцинь, она не сможет сопротивляться желанию прыгнуть на него, как тигр на оленя?

Затем женщина-гангстер привезет Юнь Чжунхэ в резиденцию кастеляна и будет использовать его сотни раз.

К тому времени первая часть его миссии в городе Торн-Гаст завершится успехом.

Карета остановилась.

Юнь Чжунхэ открыл глаза и прошептал про себя:

«Я готов. Дамы и господа, я иду. Будьте готовы стать свидетелями чуда. Я обещаю, что каждая женщина в павильоне Тянью будет сходить по мне с ума. Через две недели я буду известен всем!»

Из кареты вышел самый красивый мужчина, Юнь Чжунхэ.

Его одежда была бела, как снег, он держался, как греческий бог.

«Павильон Тянью, я иду. Я покорю тебя! Леди Маск, Я иду»

Это было роскошное место. Процветающее и славное. Оно оправдывало свою репутацию лучшего борделя в городе Торн-Гаст. Это первоклассное место для наслаждений.

Но что произошло?

Павильон окружила тысяча солдат с печатями.

Красивые девушки, сводницы и слуги держали руки на головах. Их выводили из павильона Тянью в шеренгу под присмотром солдат.

«Почему это выглядит так знакомо? Б...блять! Что... что, черт возьми, это значит? Я, Юнь Чжунхэ, собрался продемонстрировать свой великий талант павильону Тянью, а он закрыт? Город Торн-Гаст начал операцию по борьбе с пороками?»